

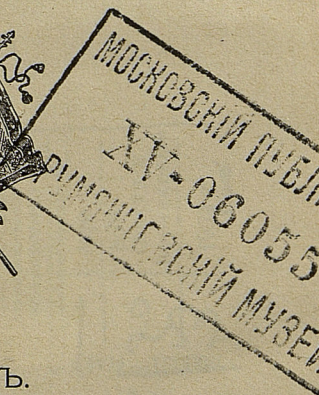
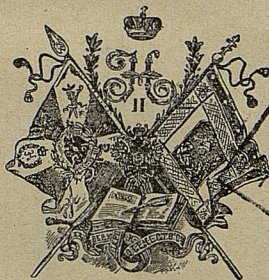
Б. Чижовъ.

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЪ
ИНЖЕНЕРЪ-ГЕНЕРАЛЬ

КОНСТАНТИНЪ ПЕТРОВИЧЪ
ФОНЪ-КАУФМАНЪ.

1818-1882 г.

Биографическій очеркъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Издание Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній.

1915.

Источниками для составленія послужили книги:

Лееръ. Обзоръ войнъ отъ Петра Великаго до нашихъ дней.

Богдановичъ. М. Восточная война 1853—1856 г.

Гродековъ. Н. Хивинскій походъ 1872 года.

Лавровъ. М. В. Генераль-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ. Чтеніе для войскъ и народа (брошюра).

Толбуховъ. Е. Устроитель Туркестанскаго края (брошюра).

Остроумовъ. Н. Личныя воспоминанія. К. П. фонъ-Кауфманъ.

Федоровъ. Воспоминанія. Историческій вѣстникъ 1913 г.

Юбилейное изданіе Императорской публичной библіотеки.
За сто лѣтъ.

Копія послужного списка К. П. ф.-Кауфмана, выданная изъ Главнаго Штаба камергеру П. М. фонъ-Кауфману.

Брокгаузъ, Ефронъ. Энциклопедическій словарь.

ТУРКЕСТАНСКІЙ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРЪ
КОНСТАНТИНЪ ПЕТРОВИЧЪ ФОНЪ-КАУФМАНЪ.

Генераль-Адъютантъ, Инженеръ-Генераль,
Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ.
1818-1882.

Всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ обширный край, называемый Русскимъ Туркестаномъ, не принадлежалъ Россіи; тамъ было нѣсколько деспотическихъ государствъ—Бухара, Хива, Кокандское ханство—попасть въ которыя европейцу было трудно какъ по отсутствію дорогъ, такъ и потому, что населеніе враждебно относилось ко всякому не мусульманину. Въ городъ Самаркандъ, гдѣ находятся мусульманскія святыни, лицамъ другихъ религій доступъ былъ совсѣмъ запрещенъ подѣ страхомъ смерти, какъ теперь въ Мекку.

Въ государствахъ этихъ жизнь и имущество населенія ничѣмъ не были обезпечены отъ произвола властей; съ населенія брали налоги не по закону, а въ зависимости отъ того, нуждалась ли ханская казна въ средствахъ, или нѣтъ. Въ ханствахъ свило себѣ прочное гнѣздо рабство; десятки тысячъ людей и среди нихъ многіе русскіе томились въ нихъ рабами.

Теперь проѣхать въ Русскій Туркестанъ, побывать въ Самаркандѣ, осмотрѣть его достопримѣчательности не трудно; не встрѣтитъ путешествен-

никъ непріязни населенія. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ была никуда непригодная пустыня, по которой рѣдко проходили стада кочевниковъ, раскинулись воздѣланные поля, фруктовые сады, появились города съ красивыми зданіями съ правильно распланированными улицами, обсаженными деревьями.

Только великій народъ могъ въ короткое время такъ измѣнить видъ страны, такъ перевоспитать и заставить уважать и любить себя чуждое ему населеніе. Но и великому народу это было бы не по силамъ, если бы изъ среды этого народа не выходили великіе люди, руководившіе имъ въ походахъ и битвахъ и направлявшіе его дѣятельность послѣ покоренія края.

Великій народъ, покорившій и устроившій Туркестанъ, это мы—русскіе, а главный руководитель по покоренію и устроенію края былъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ.

Назначенный генераль-губернаторомъ края въ 1867 году, вскорѣ послѣ взятія русскими Ташкента и Ходжента и присоединенія ихъ къ Россіи, К. П. фонъ-Кауфманъ тогда уже Генераль-Адъютантъ, пріѣхалъ въ Туркестанъ, когда война съ бухарцами была въ полномъ разгарѣ. Въ апрѣлѣ 1868 года Эмиръ Бухарскій, увѣренный въ своей силѣ и раздраженный отнятіемъ областей, принадлежавшихъ Бухарѣ, объявилъ священную войну противъ невѣрныхъ.

Кауфманъ въ отвѣтъ на это двинулъ войска (всего около 3000 человекъ) на Самаркандъ. Главная битва произошла на берегахъ рѣки Зарявшана. Бухарцы заняли на высокомъ берегу удобныя позиціи (Чапанатинскія высоты), отдѣленные отъ русскихъ войскъ рѣкой и залитыми водой рисовыми полями. Бухарцевъ было до 40.000 человекъ.

Думая вселить въ русскихъ нерѣшительность, они нѣсколько разъ посылали къ Кауфману парламентаровъ, затягивали переговоры. Кауфманъ назначилъ опредѣленный срокъ и, по истеченіи его, минута въ минуту, со словами „съ Богомъ, впередъ“ двинулъ войска черезъ рѣку по грудь въ водѣ и чрезъ непролазную грязь затопленныхъ рисовыхъ полей въ штыковую атаку. Бухарцы, не ожидавшіе такого наступленія, обратились въ паническое бѣгство, оставивъ намъ 21 орудіе. На другой день, 2-го мая 1868 года, къ Кауфману явилась депутація отъ города Самарканда съ просьбой принять городъ въ русское подданство.

Въ тотъ же день русскіе торжественно вступили въ Самаркандъ, и Кауфманъ донесъ Императору Александру II: „Имѣю счастье поздравить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО съ новымъ торжествомъ: древнѣйшій и знаменитѣйшій городъ Средней Азіи, центръ мусульманства, Самаркандъ, гордый своей исторической славой, безъ выстрѣла паль къ стопамъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, отворивъ ворота храбрымъ и честнымъ войскамъ ВАШИМЪ“.

За взятіе Самарканда Кауфманъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-ей степени, и Высочайше повелѣно его имя начертать золотыми буквами на бѣлой мраморной доскѣ и сдѣлать надпись на ней „Самаркандъ“ 1868 года“, а доску укрѣпить въ Инженерномъ Училищѣ.

Потерпѣвъ пораженіе на берегу рѣки Зарявшана, Эмиръ опять собралъ войско въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ и расположился около Катта-Кургана на Зерабулакскихъ высотахъ. Кауфманъ, оставивъ въ цитадели Самарканда отрядъ въ 600 человѣкъ, быстро, съ 2000 отрядомъ, двинулся туда и разбилъ бухарцевъ на голову.

Тѣмъ временемъ жители Самарканда и окрестностей рѣшили истребить небольшой отрядъ, оставленный въ городѣ. Къ нимъ присоединились независимые бухарцы Гиссарскаго хребта, такъ называемаго Шахризязбскаго бекства. Отряду, предоставленному самому себѣ, пришлось выдержать недѣльную осаду во много разъ превосходныхъ силъ, и только возвращеніе Кауфмана съ отрядомъ спасло героевъ-защитниковъ Самаркандской цитадели отъ гибели.

Взятіе Самарканда и присоединеніе его къ русскимъ владѣніямъ было особенно важно потому, что у города протекаетъ Зарявшанъ, направляясь далѣе къ оазису Бухарѣ; владѣя Самаркандомъ, всегда можно отвести воду рѣки и тѣмъ лишить важную часть Бухарскихъ владѣній воды, столь необходимой въ этомъ краю.

Послѣ битвы у Зерабулакскихъ высотъ горные бухарцы неоднократно поднимали возстанія въ малодоступныхъ горныхъ частяхъ Бухары. Поэтому весной 1870 года Кауфманъ отправилъ туда два отряда; этими отрядами возстанія въ горахъ были усмирены, города независимаго Шахризязбскаго бекства, Шааръ и Катибъ, гордившіеся тѣмъ, что въ ихъ стѣнахъ никогда не было непріятеля, взяты штурмомъ, и самыя области переданы во владѣніе Эмиру Бухарскому.

По проискамъ Англіи, Кауфману было повелѣно изъ Петербурга возвратить Самаркандъ Бухарѣ.

Кауфманъ этого приказанія не исполнилъ и при личномъ свиданіи съ Императоромъ Александромъ II выяснилъ, что разъ завоеванныя силою русскаго оружія области не могутъ быть возвращены обратно, такъ какъ восточные народы сочтутъ такой актъ продиктованнымъ не великодушіемъ, а слабостью. Императоръ, считая что Кауфманъ поступилъ пра-

вильно, не только не поставилъ ему на видъ неисполненіе повелѣнія, но и благодарилъ его.

Въ слѣдующемъ 1871 году началось возстаніе въ Джунгаріи, въ предѣлахъ Китая. Возставшіе отдѣлились отъ Китая и явно поддерживаемые англичанами (въ Кашгарію пріѣхали 300 англійскихъ мастеровъ для выдѣлки оружія) осмѣлились задерживать русскіе торговые караваны и совершенно не признавать справедливыхъ русскихъ требованій. Не хотѣлось Кауфману дѣйствовать силой оружія, такъ какъ приходилось считаться съ многолюднымъ Китаемъ, но заставить уважать требованія русскихъ было нужно. Къ концу іюня 1871 года посланный отрядъ привелъ къ полному повиновенію русской власти всю Кульджинскую область. Какъ вели себя при этомъ русскіе, свидѣтельствуешь китайскій лѣтописецъ, нѣкій Лю-Цюнь-Хань, очевидецъ происшедшаго: „Семирѣченскій цзянь-цзюнь (генераль) всѣми мѣрами успокоилъ манчжуровъ китайцевъ какъ военныхъ, такъ и гражданъ, равно какъ и китайскихъ мусульманъ, не причинивъ вреда никому: даже ни одной травкѣ, ни одному деревцу, ни одной курицѣ, ни одной собакѣ не было нанесено никакого вреда и ущерба... Иностранное владѣніе спасло народъ такъ, что дѣти не пугаются, а народы не безъ радости и восторга покоряются“.

Китаю было заявлено, что занятіе Кульджи временное до установленія въ ней порядка.

Когда порядокъ русскими былъ возстановленъ, китайцы начали занимать провинцію своими войсками; возставшіе мусульмане, предвидя, что провинція будетъ возвращена Китаю и опасаясь мести со стороны китайцевъ, тысячами переселялись во вновь завоеванныя Россіей области Туркестана. Переселенцы эти большею частію не имѣли никакихъ средствъ

къ существованію; приходилось всю эту массу кормить, устраивать, такъ какъ выдать ихъ китайцамъ было равносильно преданію мучительной смерти.

Утвердившись въ занятой русскими Кульджѣ, въ которую до появленія русскихъ китайцы не осмѣливались посылать войска, китайцы прежде всего потребовали выдачи бѣглецовъ. Кауфманъ рѣшительно отказалъ. Этимъ онъ сразу привлекъ къ Россіи сердца всѣхъ бѣглецовъ, которые нужны были въ малолюдныхъ только что присоединенныхъ къ Россіи земляхъ.

Не желая имѣть врага въ лицѣ Китая на восточной границѣ нашихъ владѣній, Россія возвратила Кульджу Китаю за нѣсколько милліоновъ рублей.

Кульджинская экспедиція дала Россіи нѣсколько тысячъ преданныхъ подданныхъ и окупила всѣ затраты.

Западные сосѣди Туркестана, хивинцы постоянно беспокоили русскія владѣнія грабежами и разбоями и мѣшали русскимъ вести торговлю. Хивинскій Ханъ не слушалъ предостереженій Кауфмана и покровительствовалъ разбоямъ своихъ подданныхъ, вполнѣ увѣренный, что до Хивы русскимъ не дойти, такъ какъ она отдѣлена отъ нихъ безводными пустынями на тысячу верстъ.

Еще со временъ Петра Великаго русскіе неоднократно стремились покорить Хиву, но всѣ экспедиціи кончались полной неудачей: войска наши или были уничтожаемы хивинцами или гибли отъ зноя и недостатка воды. Зная трудности похода и неудачи предшествовавшихъ русскихъ экспедицій, Кауфманъ тѣмъ не менѣе рѣшилъ занять Хиву. Онъ разработалъ планъ похода одновременно съ четырехъ сторонъ и съ такимъ расчетомъ, что если-бы дошелъ до Хивы хотя бы одинъ, изъ четырехъ отрядовъ, то можно было бы рассчитывать на успѣхъ.

Отрядамъ приходилось, прежде всего, озаботиться о томъ, чтобы были выючныя животныя, вода и провіантъ. Предстояло идти по совершенно безводной пустынѣ, гдѣ, такъ называемые колодцы—лужи съ грязной водой находились иной разъ на разстояніи болѣе 100 верстъ другъ отъ друга. Отряды двинулись одновременно съ четырехъ сторонъ, одинъ изъ Оренбурга, другой отъ полуострова Мангышлака на берегу Каспійскаго моря, третій изъ Красноводска и четвертый подъ начальствомъ самаго Кауфмана, руководившаго всей экспедиціей, изъ Ташкента.

Въ голодной степи отрядъ Кауфмана лишился значительной части своихъ верблюдовъ и лошадей, павшихъ отъ жажды, и попалъ въ безвыходное положеніе изъ-за отсутствія воды. Солдаты, мучимые жаждой, не могли продолжать похода; палящій зной довершалъ ужасы положенія. Но тутъ находчивость Кауфмана выручила отрядъ—онъ призвалъ къ себѣ проводниковъ киргизовъ и обѣщалъ тысячу червонцевъ тому изъ нихъ, кто доставитъ свѣжій стебель камыша, какъ доказательство близости воды. Киргизы поскакали въ разныя стороны и къ вечеру одинъ изъ нихъ привезъ свѣжій камышъ и указалъ дорогу къ водѣ. Отрядъ былъ спасенъ.

Во время движенія отрядовъ хивинцы дѣлали постоянныя нападенія, но всѣ ихъ попытки задержать русскихъ успѣха не имѣли. Только одинъ Красноводскій отрядъ не одолѣлъ ужасовъ пустыни. Лишившись значительнаго числа людей и потерявъ большую часть лошадей и верблюдовъ, онъ долженъ былъ вернуться обратно. Но это не помѣшало успѣху всей экспедиціи, такъ какъ Кауфманъ и не рассчитывалъ на успѣшный переходъ черезъ пустыню всѣхъ отрядовъ.

Несмотря на почти полное отсутствіе связи между отрядами, двигавшимися съ разныхъ сторонъ, три отряда подошли къ Хивѣ почти одновременно. Соединившійся Оренбургско-Мангышлакскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Веревкина прибылъ къ Хивѣ на сутки раньше Кауфмана, взялъ штурмомъ сады, окружающіе Хиву, и началъ бомбардировку города.

Ханъ Хивинскій бѣжалъ къ туркменамъ. Жители Хивы, видя бесполезность сопротивленія, послали къ находившемуся съ отрядомъ въ 8-ми верстахъ отъ города Кауфману посольство съ изъявленіемъ покорности; одновременно послана была депутація къ генералу Веревкину съ просьбой прекратить обстрѣлъ города.

На другой день Кауфманъ съ отрядомъ, встрѣченный въ 6-ти верстахъ отъ города почетной депутаціей, началъ переговоры о сдачѣ.

Въ 2 часа дня 29 мая 1873 года русскіе съ развернутыми знаменами съ музыкой вошли въ Хиву.

На другой день Кауфманъ послалъ киргиза въ Ташкентъ, чтобы оттуда отправить Государю телеграмму: „Войска оренбургскаго, кавказскаго, и туркестанскаго отрядовъ, мужественно и честно одолѣвъ неимовѣрныя трудности, поставляемыя природою на тысячеверстныхъ пространствахъ, которыя каждому изъ нихъ пришлось совершить, храбро и молодецки отразили всѣ попытки непріятеля заградить имъ путь къ цѣли движенія, къ городу Хивѣ и, разбивъ на всѣхъ пунктахъ туркменскія и хивинскія скопища, торжественно вошли и заняли 29-го сего мая павшую передъ ними столицу ханства. 30-го мая въ годовщину рожденія Императора Петра I, въ войскахъ отсужено молебствіе за здравіе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и панихида за

упокой Петра I и подвижниковъ, убіенныхъ въ войнѣ съ Хивой. Ханъ Хивинскій, не выждавъ отвѣта отъ меня на предложеніе его полной покорности и сдачи себя и ханства, увлеченный воинственною партіею бѣжалъ изъ города и скрывается нынѣ въ средѣ юмудовъ, неизвѣстно въ какой именно мѣстности. Войска ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА бодры, веселы, здоровы“.

Первымъ дѣломъ Кауфмана въ Хивѣ было освобожденіе рабовъ, которыхъ тамъ было до 30.000 человекъ.

За покореніе Хивинскаго ханства Кауфманъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-ой степени.

Послѣдствіемъ Хивинскаго похода было присоединеніе къ Россіи областей, находящихся на правомъ берегу Аму-Дарьи. На томъ же берегу, въ 50 верстахъ отъ города Хивы, Кауфманъ основалъ укрѣпленіе, названное въ честь Императоровъ Петра I и Александра II—Петро-Александровскъ. Укрѣпленіе было построено для удержанія хивинцевъ въ покорности въ случаѣ ихъ вѣроломства.

Такимъ образомъ Бухара занятіемъ Самарканда и Хива съ устройствомъ укрѣпленія Петро-Александровскъ были въ нашей зависимости.

Оставалось одно Кокандское ханство, почувствовавшее себя сильнымъ послѣ покоренія русскими Бухары заклятаго врага ханства. Ханъ Кокандскій искалъ случая помѣриться силой съ русскими. Въ 1875 году кокандцы напали на русское посольство, бывшее въ то время въ Кокандѣ, напали на русскія почтовые станціи и на гарнизонъ города Ходжента. Кауфманъ выдвинулъ войска, взялъ Кокандъ и Маргеланъ и заключилъ съ кокандцами договоръ. За это онъ былъ награжденъ шпагою, украшенною алмазами съ надписью „за пораженіе кокандцевъ 1875 г. 22 августа“.

Едва русскіе ушли изъ ханства, какъ поднялось возстаніе. Тогда Кауфманъ поручилъ усмирить его М. Д. Скобелеву, и 19 февраля 1876 года Кокандское ханство подъ именемъ Ферганы присоединено къ Россіи.

Такимъ образомъ при Кауфманѣ Туркестанъ силою русскаго оружія и страхомъ и любовью къ русскимъ внушенными Кауфманомъ, достигъ почти современныхъ границъ.

Сосѣди боялись Россіи и искали союза съ ней или же немедленно, какъ то было послѣ занятія Кульджи, выполняли справедливыя русскія требованія.

Внушивъ страхъ туземцамъ, называвшихъ Кауфмана ярымъ — падишахъ (полуцарь), Кауфманъ среди непрестанныхъ походовъ заботился о томъ, чтобы полудикіе, вновь покоренные, народы чувствовали себя въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ при прежнихъ своихъ повелителяхъ. Кауфманъ установилъ справедливое взиманіе податей и относился съ уваженіемъ къ вѣрѣ и обычаямъ туземцевъ.

Любопытна выдержка изъ письма Шипкинскаго героя генерала Радецкаго изъ Адрианополя „старому товарищу“ К. П. Кауфману. „Въ то время, когда во всѣхъ мусульманскихъ странахъ было противъ насъ возстаніе и велась священная война, въ одномъ только краѣ, бывшемъ когда-то гнѣздомъ мюридизма, царило спокойствіе и никакихъ покушеній противъ Россіи не дѣлалось. Я Тебѣ не льщу, говоря, что это слѣдуетъ отмѣтить на страницахъ исторіи и, вѣроятно, это не забудется“.

Въ дѣлѣ воспитанія туземнаго населенія Кауфманъ придавалъ громадное значеніе школъ — „только народное образованіе способно завоевать край духовно: ни оружіе, ни законодательство не могутъ сдѣлать этого, а школа и только школа можетъ“ го-

ворилъ Кауфманъ на учительскомъ съѣздѣ въ городѣ Вѣрномъ въ 1878 году. Чтобы привлечь во вновь завоеванный край русскихъ людей, которые свыклись бы съ нимъ съ самаго дѣтства. Кауфманъ основалъ мужскую и женскую прогимназіи. Для подготовки учителей къ обученію туземцевъ, не знавшихъ русскаго языка, въ Ташкентѣ была открыта учительская семинарія; наконецъ былъ открытъ цѣлый рядъ школъ для обученія туземцевъ. Учителямъ Кауфманъ оказывалъ всегда особое вниманіе какъ при своихъ посѣщеніяхъ отдаленныхъ мѣстъ края, такъ и при ихъ проѣздѣ черезъ Ташкентъ.

Чтобы изслѣдовать и лучше знать край, Кауфманъ составилъ библіотеку, въ которой были собраны сочиненія, помогавшія изучать Туркестанъ.

Изъ Европейской Россіи Кауфманъ приглашалъ изслѣдователей, собиравшихъ свѣдѣнія о природныхъ богатствахъ края,—были открыты залежи каменнаго угля, мѣдной и свинцовой руды. Изучалась флора края и началось добываніе и переработка лѣкарственныхъ растеній; другія мѣстные растенія послужили для засадки и скрѣпленія движущихся песковъ вблизи воздѣланныхъ полей, оросительныхъ канавъ и дорогъ.

Кауфманъ всячески поощрялъ и производилъ опыты, имѣвшіе цѣлію разведеніе такихъ культурныхъ растеній, которыя до этого времени привозились въ Россію изъ-за границы. Доклады о культурѣ хлопчатника, требовавшіе разрѣшенія генералъ-губернатора, допускались во всякое время дня и ночи. Завели американскіе сорта хлопчатника съ самораскрывающимся при созрѣваніи плодомъ, съ гибкими длинными волокнами, несравненно болѣе цѣнные и удобные для ткацкаго производства, чѣмъ туземные. Появились хлопкоочистительные заводы. Устраивались огороды, засаживались виноградники, фрукто-

вые сады; запущенные арыки, оросительные каналы, были приведены въ порядокъ, прорыты новые, и живительная влага, столь необходимая этому краю, оросила безплодные, пустынные доселѣ мѣста.

Нѣкоторые изъ изслѣдователей проникали въ мѣста недоступныя и одинъ изъ нихъ, Федченко, въ честь завоевателя и устроителя края назвалъ открытую имъ самую высокую гору Туркестана, выше облаковъ поднявшую свою семиверстную вершину пикомъ Кауфмана. Многія изъ собранныхъ при Кауфманѣ въ Туркестанѣ коллекцій хранятся въ ученыхъ учрежденіяхъ столицы.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранятся рукописи на арабскомъ, персидскомъ и турецко-джагатайскомъ (языкъ Бухары) нарѣчіяхъ, принесенныя въ даръ Кауфманомъ. Среди этихъ рукописей много цѣнныхъ по исторіи Востока, по мусульманскому богословію, законовѣдѣнію, философіи, медицинѣ и другимъ отраслямъ знанія.

Украшеніемъ библіотеки служитъ подаренный Кауфманомъ Коранъ, писанный собственноручно Халифомъ Османомъ, зятемъ Магомета, 1250 лѣтъ тому назадъ. Это единственный извѣстный остатокъ огромнаго книжнаго богатства, собраннаго въ Самаркандѣ Тимуромъ. (Библіотека Тимура погибла во время междоусобій при его пріемникахъ).

Одинъ изъ знаменитыхъ русскихъ художниковъ Верещагинъ пользовался покровительствомъ Кауфмана, участвовалъ въ Самаркандскомъ походѣ и многое имъ тогда видѣнное запечатлѣно на полотно и составляетъ гордость картинныхъ галлерей Петербурга и Москвы.

Кауфманъ не только покровительствовалъ искусствамъ и наукамъ, но и старался добытыя научныя данныя примѣнить на пользу краю.

Измѣнилась благодаря оросительнымъ и землеустроительнымъ работамъ внѣшность края, но еще болѣе измѣнились невозможные по благоустройству города, поражавшіе отсутствіемъ плана. Прежде часто, чтобъ попасть съ одной улицы на другую надо было перелѣзть черезъ плоскія крыши сосѣднихъ домовъ; въ осеннюю и весеннюю пору была непролазная грязь, лѣтомъ невозможная пыль. При Кауфманѣ города приняли европейскій видъ—появились прямыя улицы, площади, скверы, сады съ обиліемъ зелени, столь нужной въ палящій лѣтній зной этого края.

Самому Кауфману послѣ его перваго появленія въ Ташкентѣ пришлось жить въ помѣщеніи, безъ оконъ—двери замѣняли окна. Помѣщеніе это въ зимнее время отапливалось переносной глиняной печкой; лѣтомъ крыша снималась, и свои донесенія Царю Кауфманъ писалъ подъ открытымъ надъ столомъ зонтикомъ.

Особенно украсился Ташкентъ, ставшій столицей Туркестана. Лучшая изъ его улицъ теперь названа улицей Кауфмана. Послѣ смерти Кауфмана городская дума Ташкента единогласно постановила на могилѣ Кауфмана укрѣпить мраморную доску съ надписью „Устроитель Туркестанскаго края“.

Кауфманъ завѣщалъ похоронить себя въ Ташкентѣ и его предсмертное желаніе (умеръ въ 1882 году) „прошу похоронить меня въ Ташкентѣ, чтобы каждый зналъ, что здѣсь настоящая русская земля, въ которой не стыдно лежать русскому“ было исполнено. Въ 1913 году въ Ташкентѣ поставленъ Кауфману памятникъ.

Трудившіеся въ Туркестанѣ подъ руководствомъ Кауфмана вспоминаютъ съ благоговѣніемъ имя перваго Туркестанскаго генераль-губернатора, вспоми-

нають о томъ, какъ послѣ служебныхъ докладовъ Кауфманъ приглашалъ подчиненныхъ къ своему семейному завтраку, за которымъ велась непринужденная бесѣда, какъ отзывчивъ былъ Кауфманъ къ многочисленнымъ нуждамъ своихъ сотрудниковъ, какъ умѣлъ расположить къ себѣ вновь прибывшихъ на службу въ Туркестанъ, какъ быстро подмѣчалъ способности подчиненныхъ и умѣлъ развить и воспользоваться этими способностями.

Вотъ что писалъ М. Д. Скобелевъ Кауфману въ 1877 году на пути въ Дунайскую армію: „Позвольте Ваше Высокопревосходительство еще и еще выразить Вамъ мою глубокую сердечную признательность за все Вами для меня сдѣланное; служба подъ Вашимъ начальствомъ навсегда останется лучшимъ воспоминаніемъ моей жизни; не говоря уже о положеніи, извѣстной репутаціи, которою всецѣло Вамъ обязанъ, но я въ особенности долженъ никогда не забывать какимъ человѣкомъ я прибылъ въ ввѣренный Вамъ край въ 1869 г. и какимъ человѣкомъ я теперь ѣду въ дѣйствующую армію. Я въ полномъ смыслѣ слова Ваше созданіе; сознаю это, всегда буду сознавать и горжусь этимъ... Желаю Вамъ здоровья, а себѣ счастья когда-либо опять Васъ увидѣть“

Кто же такой былъ Кауфманъ, покоритель и устроитель Туркестана, оставившій по себѣ такую дивную память, до назначенія своего генералъ-губернаторомъ Туркестана и почему выборъ Императора Александра II палъ именно на него.

Родился К. П. фонъ-Кауфманъ 19 февраля 1818 года въ имѣніи своей матери „Майданы“ близъ Варшавы. Воспитаніемъ его до поступленія въ училище занималась его мать. Когда К. П. Кауфманъ первый разъ покинулъ родной домъ и поступилъ въ Петербургъ въ Инженерное Училище мать пи-

сала ему: „Всегда помни, что жизнь Твоя принадлежитъ родинѣ и Государю. Исполни свой долгъ до конца, чтобы ни случилось, и готовься къ борьбѣ прежде всего съ собственными слабостями. Знай, что только тотъ, кто умѣетъ управлять собой, можетъ заставить повиноваться себѣ другихъ“.

Въ 1836 году Кауфманъ произведенъ въ инженеръ-прапорщики и продолжалъ образованіе въ офицерскихъ классахъ того же училища (нынѣ Николаевская Инженерная Академія). По окончаніи офицерскихъ классовъ училища отправился на Кавказъ, гдѣ въ то время шла трудная и упорная война съ горцами; участвовалъ въ цѣломъ рядѣ походовъ и во время одного изъ нихъ раненъ ружейною пулею въ шею. Въ 1847 году онъ уже завѣдывалъ подъ огнемъ непріятеля осадными работами при взятіи Гергебиля; за проявленную при этомъ храбрость награжденъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени. Въ слѣдующемъ году при осадѣ аула Чоха былъ раненъ въ ногу.

Особенно отличился Кауфманъ въ 1855 году во время Восточной войны при взятіи Карса.

Уступая соединеннымъ европейскимъ отрядамъ, союзникамъ турокъ, подъ Севастополемъ, русскіе, защищая его, покрыли себя безсмертной славой. Война велась съ турками съ двухъ сторонъ—въ Крыму и на Кавказѣ. На пути нашего наступленія въ глубь Турціи недалеко отъ Кавказской границы была сильная турецкая крѣпость Карсъ. Турки, потерпѣвъ рядъ пораженій въ открытомъ полѣ, заперлись въ Карсѣ; руководилъ турками англійскій генераль. Въ маѣ русскіе осадили Карсъ. Главнокомандующій Генераль-Адъютантъ Муравьевъ поручилъ К. П. Кауфману, тогда полковнику, командовавшему саперами отряда, собрать свѣдѣнія о томъ, сколько вре-

мени можетъ продержаться крѣпость. Кауфману предстояла трудная задача—узнать, сколько войска въ осажденномъ Карсѣ, какъ велики оборонительныя средства крѣпости, сколько въ ней провіанта. Собрать отъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ нужныя свѣдѣнія было потому трудно, что сами осажденные вслѣдствіе непорядковъ въ турецкой арміи не знали, сколько у нихъ боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ. Тогда Кауфманъ рѣшилъ собрать нужныя свѣдѣнія путемъ разспросовъ жителей окрестностей крѣпости—сколько и чего провозилось въ нее въ послѣднее время. Онъ такъ былъ увѣренъ въ точности собранныхъ имъ свѣдѣній, что доложилъ главнокомандующему о неминуемомъ паденіи Карса въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Между тѣмъ было получено извѣстіе, что къ осажденнымъ изъ Крыма идетъ помощь; тогда главнокомандующій рѣшилъ взять крѣпость штурмомъ. Штурмъ этотъ (17 сентября 1855 года) хотя стоилъ намъ большихъ потерь, но успѣха не далъ. Многіе начальники, полагая что послѣ неудачнаго штурма, осада неприступной крѣпости будетъ снята, спрашивали главнокомандующаго, когда онъ прикажетъ снять осаду, но Муравьевъ вѣря соображеніямъ Кауфмана, что въ ноябрѣ крѣпость должна сдаться и безъ штурма, еще тѣснѣе обложилъ Карсѣ. Предположенія и точныя вычисленія Кауфмана сбылись. 16-го ноября 20-тысячный гарнизонъ, доведенный до крайности отъ истощенія, сдался на капитуляцію. Переговоры о сдачѣ поручено было вести К. П. Кауфману.

Покрывъ себя громкой славой на Кавказѣ, дальнѣйшую службу Кауфманъ продолжалъ въ Петербургѣ, гдѣ былъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства въ трудное время преобразованія организаціи арміи. На долю Кауфмана выпало устрой-

ство военныхъ округовъ. До середины прошлаго столѣтія управленіе хозяйственною частью войскъ всецѣло сосредоточивалось въ военномъ министерствѣ—это очень затрудняло и замедляло снабженіе войскъ предметами довольствія; по какому-либо мало значительному поводу приходилось сноситься съ министерствомъ, что при громадности разстояній въ Россіи было крайне неудобно. Было признано нужнымъ, чтобы въ вопросахъ управленія и хозяйства войскъ большая часть дѣлъ рѣшалась на мѣстѣ. Съ этой цѣлію и были образованы военные округа. Пограничныя окружныя военныя управленія представляютъ еще и то преимущество, что въ случаѣ войны они являются готовыми управленіями дѣйствующихъ армій.

Обнаруживъ на Кавказѣ свои боевыя способности и въ канцеляріи министерства способности по управленію и преобразованію, Кауфманъ въ 1865 году былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Западнаго края, только что передъ этимъ замиреннаго послѣ возстанія. Но недолго онъ занималъ эту должность. Желая устранить непокойные элементы общества, Кауфманъ арестовывалъ и выселялъ изъ края лицъ, сочувствовавшихъ и содѣйствовавшихъ возстанію, не считаясь съ тѣмъ, что нѣкоторые, изъ признаваемыхъ имъ вредными для успокоенія края, лица пользовались сильнымъ заступничествомъ въ Петербургѣ.

Кауфману поставили въ вину его смѣлыя распоряженія, и онъ былъ уволенъ въ 11-ти мѣсячный отпускъ съ отчисленіемъ отъ занимаемой должности, но черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ отчисленія былъ назначенъ Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, гдѣ и протекла его главнѣйшая дѣятельность уже въ качествѣ лица, облеченнаго полнымъ довѣріемъ Императора Александра II.